

Янис Сирмбардис – поэт, переводчик. Член Союза писателей Латвии. По образованию филолог. Он ушёл из жизни в 2015 году, в летний латышский праздник Лиго (аналог славянского Ивана Купалы). Долгие годы был редактором ведущего в Латвии издательства «Лиесма». Подготовил и выпустил в свет более тысячи книг, в том числе – самых известных прибалтийских писателей. Автор книг стихов «Лезвие сабли», «Дневные пчёлы», «Ключ солнечного луча», «Калейдоскоп», «Запах крапивы», «Зарницы», «Багряное время малины» и многих других, часть которых переведена на русский. Сам же Сирмбардис перевёл на латышский язык стихи Николая Некрасова, Бориса Пастернака, Андрея Вознесенского. Последние переводы Янис Сирмбардис (его фамилия на русском языке звучала бы как «Серебробородый») осуществил в 2013 году. Это были переложения на латышский язык стихов председателя МСПС, известного русского поэта Ивана Переверзина, вышедшие в книге «Свет молний» (Рига, издательство «Светоч»).

Публикуемые ниже переводы последних лет жизни Яниса Сирмбардиса (которые поэту нравились) сделала русская поэтесса из латвийского города Даугавпилса Фаина Осина

Соловьиное лето

Переливы виртуозных трелей,
Словно рукавицу, птица вяжет.
В первый раз пленён я акварелью
Соловьиных чувственных пассажей.

За спиной труха – возы, котомки...
Сладко льёт соловушка рулады! –
Хочется жить молодо и звонко,
Открывать таинственные клады.

Поумерь сиянье звука, птица:
Слух, душа – в мучительном угаре.
Время жёстко, значит, завершится
Рока, непреклонного, ударом.

Соловейко, ты иное знаешь,
Распевая на зелёной иве.
А у песни – ни конца, ни края,
И весны весёлая игривость.

Унеси судьбы моей частицу,
Что у горла пёрышком трепещет.
А земля желаньем озарится,
Словно парус вспыхнув утром вещим!

Единственная

Розария благоуханье.
Любви и нежности восторг.

Цветы, овеяны стихами –
Самой поэзии исток.

Пчела, зарывшись в светлый венчик,
Нектара ищет благодать.
Любовь мою, как свет, как вечность,
Нельзя купить или продать,
Или, в разладе интересов,
Растратившись, отдать внаём...
Закон единственного места –
Предназначение твоё.

Коль так, не очень-то и важно:
Бутон коснётся струн души
Иль, жарким летом взбудоражен,
В тебя вопьётся острый шип.
Ведь всё равно наступит осень,
Зима покоем заблестит,
И пригласят меня не в гости,
А дом свой вечный обрести.
Он молча примет постояльца,
И мне – с корнями роз сквозить,
И в снежных звёздах растворяться,
Навек сроднившись с царством зим.

Солнцеворот

Несутся дни – живое существо –
Никто не в силах задержаться в них.
Давно ли чтители Рождество,
А вот уж пляшут Яновы огни.
Воск ярый свет точил из темноты,
А нынче белая ярится ночь,

И ведьмы на метле боишься ты:
Её в такие дни не превозмочь.
Но защищает знаком добрых сил –
Рябины ветка – с косяком сплелась...
Луч пентаграммы

землю с небом слил
Как оберег от наваждения зла.
Пусти вокруг посевов лошадь –

в рысь,
Взяв под защиту колос бытия,
Чтоб зёрна его щедро налились
И полной стала житница твоя.

Суровость будней выстрадана здесь,
На дарованной Господом земле.
Мир обновился, сохраняя честь,
И мы с тобой не сгнули во мгле.
Востребовано всё, где стол накрыт,
И Промыслом Небес душа поёт.
Как полыхают Яновы костры!
Как сладкий клевер источает мёд!

У потухшей печи

Протопилась печь давным-давно.
Вместо хлеба – затхлый дух дурмана.
Ветер воет, будто пёс цепной,
Старые зализывая раны.

Мы и домовому не нужны,
И сверчок запечный не стрекочет.
Во вчерашний день устремлены
Холодом напоенные очи.

Где же воля, жар душевный мой? –
Выстыли под пеплом и под сором.
Совесть по дорожке, по кривой
С нечистью торопится на сговор.
Но за всё ещё прощает Бог,
Где-то в закоулках самых дальних
Ломкий колос падает у ног –
Жест повинности исповедальной.

И тогда к остывшим кирпичам
Прижимаешься душой и телом,
Щедрости утраченной ища
В углях незаконченного дела.

Поэт

Был рыбаком,
стал искателем жемчуга.
Жемчуг лёгок, как день, и бел.
А вокруг – омут вечный гудел.
Пучина темна и слепа, как смерть.
Смерть же – как пух, легка.
Пух лишком мягок и тих.
Корка хлеба – жестка.
Чтоб заработать на хлеб,
жемчуг стал добывать рыбак.
За жемчужиной
в бездну надо нырнуть, во мрак,
и он
в сделку со смертью вступил.
Договор этот
сделал его поэтом.

Тенгиз Догузов – автор книг «Тепло очага», «В эпоху перемен», «Слово души моей», «Серебряный родник». В своих стихах поэт воспеваёт родную Осетию, пишет о красоте её природы, о любви, о духовной и нравственной чистоте. Много работает и в жанре публицистики: пишет репортажи и статьи о событиях на юге Осетии, в Абхазии и Приднестровье, рассказывает о наших современниках, обычаях и традициях, ратует за сохранение и процветание родного языка. Издатель газеты «Вестник Осетии». Директор Литературного сообщества республики Северная Осетия–Алания

В гостях

Холодный день. Голодным волком – выюга.
В ущелье стынет дальнее село.
И точно в поле войны – по кругу
В снегах завязли башни тяжело.

Безмолвна сакля – тихий домик сгорблен.
Сквозь щели печки – языки огня.
В двери хозяин. Взгляд усталый скорбен:
Погибший сын глядит из рамки на меня.

Тоска матери

Холодной шалью распростёрся снег,
И зимний лес безмолвствует в ночи,
Душа скорбит, что рядом сына нет,
И мать одна вздыхает у печи.

Пришлось в тоске ей годы коротать,
Ведь сын в уюте скрылся городском.
Ему тепло, и он забыл про мать
С таким усталым и простым лицом.

Заброшенное село

Собаки, позабывшие приют, –
Запавшие бока, прижаты уши –
Они напрасно тут хозяев ждут,
Как брошенные старые игрушки.

В зеницах окон мертвенно-темно,
Гуляет ветер погребально-мрачный,
Лишь тени живших здесь давным-давно
У очагов погасших плачут.

Осенняя ночь

Сумерки крадутся к горизонту,
Звёзд круги, как филина глаза,
И под стать нахмуренному фронту
Поздняя осенняя гроза.

Облако вороною крадётся,
Вечер убаюкивает клён,
И в холодных судорогах бьётся
Жухлая листва – угас огонь.

Город стих. Но песню вдруг затянет
Мой сосед, уставший после дел...
Только лист последний всё не вянет,
Хоть простор вокруг весь поседел.

* * *

Неба края загорелись, краснея,
Ивы у речки склонились, дрожа,
Потом холодным покрылись посева,
Ветер от первых морозов сбежал.

Жёлтую бурку снимает опушка,
Белую шубу одеть ей пора...
В сакле прядёт, напевая, старушка,
Спорят поленья в печи до утра.

Осенние дожди

Льются на землю осенние слёзы,
Вороны в ветках поссорились вновь.
Горькие вести. Тревожные грёзы.
И голоса, леденящие кровь.

Всё ещё слышатся стоны Осетии –
Бедствий военных не молкнущий глас.
Думы тяжёлые. Слезы осенние
Помнят героев, погибших за нас.

Пулей свинцовою в сердце отметится
Матери взгляд – без дитя нестерпим!
С сыном любимым уже ей не встретится.
Кружит над кладбищем призрачный дым.

Горько оплакали гордые горы
Жизней оборванных горький конец...
Жизнь отсчитает недели и годы,
Но не исчезнет на сердце рубец.

Памяти погибших за Осетию

В тревожной душе увядают в смущенье желанья –
Так быстро сгорает моих вдохновений свеча.
В скитаниях тягостных – бремя печальных мечтаний,
Но как о далёкой Осетии мне не мечтать!?

Кому-то нужна моя песня? К чему мне стремиться?
Толпа затоптала мой сад, засорила родник.
Вор знатен сегодня, и ходит открыто убийца.
Наследье в беславии, в пренебреженье язык.

Но это не навечно. Поднимется родина наша!
И радости слёзы проступят на горных щеках,
И станет страна нескудеющей полною чашей,
И будет с любовью прославлена нами в веках.